

РОССИЙСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Сборник статей

Выпуск 4

Санкт-Петербург
2023

УДК [93+930.85](093)(470+571)»17/19»(082)
ББК 63.3(2)я43
И90

История отечественной культуры в архивных документах : сборник статей. — Вып. 4 / Российская национальная библиотека ; сост. и отв. ред.: Е. А. Михайлова ; ред. Л. Н. Сухоруков. — Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2023. — 427 с.

Рецензенты:

кандидат филологических наук М. С. Егорова
доктор исторических наук М. А. Шibaев

Редактор Романова А. В.

Сборник содержит исследования и публикации рукописных документов, связанных с деятелями отечественной истории и культуры XVIII–XX вв. Авторы статей раскрывают новые, порой весьма увлекательные сюжеты из прошлого нашей страны, из истории создания и бытования произведений искусства; знакомят с неизвестными ранее воспоминаниями и письмами; устанавливают факты биографии выдающихся личностей.

В основе статей — материалы, хранящиеся как в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, так и в других российских архивохранилищах. Издание адресовано историкам, филологам, искусствоведам и другим исследователям, занимающимся изучением архивных материалов XVIII–XX вв., а также всем интересующимся историей русской культуры.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского отдела РНБ

Подписано к печати 8.08.2023. Формат 60×84/16. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 27,0. Уч.-изд. л. 26,0. Печать по требованию. Заказ № 129

Издательство Российской национальной библиотеки. Редакционно-издательский отдел.
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.

ISBN 978-5-8192-0654-6

© Российская национальная библиотека, 2023 г.
© Коллектив авторов, 2023 г.

**Чествование И. А. Крылова в 1838 г.
и борьба литературных партий**

Аннотация: Рассмотрены обстоятельства борьбы, возникшей вокруг торжественного празднования в 1838 г. 70-летия И. А. Крылова и 50-летия его творческой деятельности. Этот юбилей стал предметом противоречий между литераторами, покровительствуемыми начальником III отделения А. Х. Бенкендорфом и писателями пушкинского круга, поддержанными министром народного просвещения С. С. Уваровым. В исследовании использованы архивные источники, прежде не введенные в научный оборот.

Ключевые слова: юбилей И. А. Крылова, литературная борьба, русская журналистика XIX в., Н. И. Греч, С. С. Уваров, писатели пушкинского круга

D. A. Badalyan

**Honoring I. A. Krylov in 1838 and the struggle
of literary parties**

Abstract: The circumstances of the struggle that arose around the solemn celebration in 1838 of the 70th anniversary of I. A. Krylov and the 50th anniversary of his creative activity are considered. This anniversary became the subject of controversy between the writers, patronized by the head of the III department, A. Kh. Benkendorf, and the writers of the Pushkin circle, supported by the Minister of Public Education, S. S. Uvarov. The study used archival sources that were not previously introduced into scientific circulation.

Keywords: anniversary of I. A. Krylov, literary struggle, Russian journalism of the 19th century, N. I. Grech, S. S. Uvarov, writers of the Pushkin circle

2 февраля 1838 г. в Санкт-Петербурге в зале Дворянского собрания состоялось празднование 70-летия И. А. Крылова и приуроченного к этой дате 50-летнего юбилея его творческой

деятельности. Событие это, как уже отмечалось исследователями, явилось «первым не только в русской, но и в европейской культуре чествованием здравствующего писателя исключительно за его литературные заслуги»¹. Казалось бы, оно хорошо изучено: еще в 1930 г. комментарии к отдельным его эпизодам представили Иванов-Разумник и Д. М. Пинес², а в 2017–2019 гг. вышло несколько посвященных ему статей³. Тем не менее, внимательное прочтение уже известных источников и обращение к еще не введенным в научный оборот архивным документам позволят нам в новом свете увидеть некоторые связанные с этим праздником обстоятельства, да и само событие в целом.

Важнейшее из этих обстоятельств — отсутствие на празднике Н. И. Греча, Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского. Оно было заметно уже потому, что к участию в юбилее Крылова были приглашены не только петербургские литераторы, видные художники, любители искусства, но и государственные деятели (не менее пяти министров, председатель Государственного совета, главный начальник III отделения), а также представители столичной аристократии и генералитета. Участник юбилейного торжества А. Е. Аверкиев в послании М. Н. Загоскину, написанном вечером того же дня, перечислив некоторых знатных гостей, тут же добавил: «Греча и Сенковского не было, их пригласили, но они не поехали»⁴. Факт этот был воспринят как чрезвычайно существенный и вызвал обсуждение участников праздника⁵. И даже автор письма, житель Твери, недавно

¹ *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* Крыловский юбилей 1838 года как культурный и идеологический феномен // Транснациональное в русской культуре: сб. статей / под ред. Г. Обатнина и Т. Хуттунена. М., 2018. С. 6.

² *Греч Н. И.* Записки о моей жизни / ред. и коммент. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М.; Л., 1930. С. 825–830.

³ Помимо указанной работы Е. Э. Ляминой и Н. В. Самовер 2018 г. это: *Тимофеева Л. А.* Юбилейные книги Крылова // Печать и слово Санкт-Петербурга: (Петербургские чтения — 2016): В 2 ч. СПб., 2017. Ч. 1. С. 36–43; *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* Крылов и многие другие: генезис и значение первого литературного юбилея в России // Новое литературное обозрение. 2017. № 145 (3). С. 158–177; *Прохорова И. Е.* Юбилейное чествование писателя и журналистика в России: ab ovo // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2018: междунар. науч. журн. М., 2019. С. 227–241; *Прохорова И. Е.* Первое писательское чествование: проблема освещения юбилея И. А. Крылова в русской прессе // МедиаАльманах. 2019. № 6. С. 106–125. См. также: *Ивинский Д. П.* Из комментария к стихам кн. П. А. Вяземского на юбилей И. А. Крылова // Литературоведческий журнал. 2019. № 46. С. 130–148.

⁴ ОР РНБ. Ф. 291. Оп. 1. № 40. Л. 1. См. Приложение 2.

⁵ На это указал и сам Греч, рассказывая, что военный министр гр. А. И. Чернышев и министр финансов гр. Е. Ф. Канкрин, удивившись отсутствию его на празднике, спрашивали о причине

приехавший в столицу, оценил его значение и поспешил сообщить о нем своему адресату.

Еще большую важность придавал этому факту противник «торгового триумvirата» — А. Ф. Воейков. В вышедшем 4 февраля номере его газеты «Русский инвалид», рассказывая о состоявшемся торжестве, он отметил: «Из известных писателей не участвовали в сем празднике Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч и О. И. Сеньковский»⁶. Этот номер газеты готовился к печати и получил цензурное разрешение 3 февраля. В тот же день министр народного просвещения С. С. Уваров направил в Санкт-Петербургский цензурный комитет распоряжение не допускать к публикации в прессе никакие сообщения о праздновании юбилея Крылова без его «особенного разрешения»⁷. Очевидно, министру было важно, как именно это событие будет интерпретировано в глазах общества. Маловероятно, что упоминание газеты об отсутствии на празднике деятелей «торгового триумvirата» оказалось конфиденциально согласовано с Уваровым: Воейков не был так близок к министру, чтобы тот доверился ему в столь щекотливом деле. Да и раздувать публичный скандал вокруг юбилея, которому после санкции императора придали значение события государственного уровня, было не в интересах Уварова. Об этом говорит и отпуск всеподданнейшей докладной записки, подготовленной вечером 2 февраля. В ней министр подчеркивал, что «многочисленное, разнородное общество не выступило ни на шаг из границ благовоспитанного порядка»⁸. Иначе говоря, он рапортовал: организацию торжества, порученную ему государем, он исполнил полностью. Впрочем, как мы увидим в дальнейшем, возникшую после публикации «Русского инвалида» ситуацию Уваров использовал так, чтобы доставить неудобства своим противникам.

Вероятнее всего, Воейков успел получить разрешение на печать до того, как цензор его газеты ознакомился с указанием министра⁹. Известие об отсутствии на празднике трех столичных журналистов

того у Уварова (*Греч Н. И. Записки о моей жизни*. М., 2002. С. 409–410).

⁶ [Юбилей И. А. Крылова] // *Русский инвалид или Военные ведомости*. 1838. № 31. 4 февраля. С. 122. Фамилия последнего была напечатана именно так — с мягким знаком.

⁷ *Степанов Н. Л. Крылов*. М., 1969. С. 253.

⁸ Дело о чествовании И. А. Крылова в связи с 50-тилетием его литературной деятельности и об учреждении крыловских стипендий. 24 января 1839 г. — 14 апреля 1839 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 106. Л. 14–14 об.

⁹ Канцелярия министра и Санкт-Петербургский цензурный комитет находились по разным адресам. После того как распоряжение было передано председателю комитета, необходимо было время, чтобы ознакомить с ним цензоров нескольких газет.

вызвало в обществе немалый резонанс. Позднее И. И. Панаев вспоминал по этому поводу: «Воейков очень тщеславился своею смелою выходкою (да! В то время и это считалось смелостью!) и разослал всем своим приятелям, в том числе и мне, тот номер “Инвалида”, в котором она была напечатана»¹⁰. Однако не стоит принимать на веру сообщение Панаева о том, что за поименное перечисление не явившихся «Воейков просидел три дня на гауптвахте»¹¹. Столь длительное отсутствие издателя-редактора не могло бы не отразиться на выходе его газеты, которая обычно печаталась с периодичностью пять-семь номеров в неделю. Однако в следующие после 4 февраля семь дней «Русский инвалид» выходил в свет вполне ритмично: с единственным перерывом, сделанным в воскресенье 6 февраля.

Тем не менее, вскоре произошло разбирательство по поводу демарша, учиненного Булгариным и Гречем. Косвенным свидетельством о том является появившееся в совместно редактируемой ими газете «Северная пчела» объяснение за подписью Греча. 8 февраля сразу после публикации «Стихов, петых на обеде, данном И. А. Крылову», Греч в ответ на заявление «Русского инвалида» стал оправдываться тем, что накануне праздника они с Булгариным передали книгопродавцу и издателю А. Ф. Смирдину деньги, полагававшиеся за билеты на этот подписной обед, но на следующий день тот сообщил, что все билеты уже розданы. Далее автор объяснял: «Ф. В. Булгарин поехал к И. А. Крылову, чтоб объявить ему о том и поздравить его лично; я же принужденный нездоровьем сидеть дома, исполнил этот приятный долг письменно. Мы участвовали в торжестве сердцем и душою»¹².

Издатели «Северной пчелы» пропустили возможность ответить на выпад Воейкова ранее, в номерах от 5 и 7 февраля (в пятницу и понедельник), т. к. эти дни ушли на оправдание Греча и Булгарина перед покровительствовавшим им Бенкендорфом и разбирательства между ним и организатором праздника Уваровым. Греч в своих воспоминаниях представлял министра инициатором интриги, развязанной именно против него. И хотя изложенная им версия выглядит весьма сомнительно, сам факт того, что переписка или переговоры между Уваровым и Бенкендорфом имели место,

¹⁰ Панаев И. И. Литературные воспоминания / Вступ. ст. и коммент И. Г. Ямпольского. М., 1988. С. 114–115.

¹¹ Там же. С. 114.

¹² [Юбилей И. А. Крылова] // Северная пчела. 1838. 8 февраля. № 32. С. 127.

не вызывает сомнения. Готовясь к ним, министр затребовал у В. А. Жуковского письмо Греча, в котором тот отказывался от участия в празднике¹³, а начальник III отделения — его же подробное письменное объяснение.

Обычно, если издатели «Северной пчелы» допускали какие-либо оплошности, их привилегированное в глазах «высшей полиции» положение обеспечивало снисходительное к ним отношение. И сам Греч рассказывал: «При каком-либо доносе, промахе или недоразумении идешь к фон Фоку или к Дубельту, или прямо к Бенкендорфу и к Орлову, объяснишь дело, оправдаешься или получишь замечание; тем и кончится»¹⁴. В данном же случае руководитель III отделения захотел получить от Греча письменное объяснение. Возможно, оно потребовалось, чтобы иметь под рукой на случай, если император заинтересуется причиной отсутствия на празднике трех журналистов. Объяснение это дошло до нас в копии (или черновике), сделанной самим автором и сохранившейся среди бумаг Булгарина.

В этой записке утверждается, что впервые идея обеда в честь Крылова возникла 19 января 1838 г. в дружеской беседе у Н. В. Кукольника, к которому присоединились Греч, В. И. Карлгоф и др. Инициаторы праздника обратились к Бенкендорфу, но еще до того, по словам автора, ими был избран комитет по организации праздника, состоящий из А. Н. Оленина, В. А. Жуковского, гр. Мих. Ю. Виельгорского, К. П. Брюллова, В. И. Карлгофа и Греча. Вскоре последний узнал, что император на проведение праздника дал согласие и что остается ждать «официальное о том уведомление учредителям»¹⁵. Однако 29 января он получил от Жуковского письмо с просьбой о раздаче 30 подписных билетов на этот праздник и подписной лист с именами учредителей, среди которых имени Греча не оказалось. Тот воспринял это как «обиду» (от кого именно — он не уточнял) и в ответном письме заявил, что не может распространять подписные билеты и участвовать в обеде. И далее продолжал: «Булгарин, узнавши об этом исключении его друга, с своей стороны

¹³ В архиве Одоевского сохранилась копия письма Греча, заверенная Жуковским, на полях которой владелец архива оставил помету: «Подлинное отправлено к Сергею Семеновичу Уварову» (ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 1595).

¹⁴ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 269.

¹⁵ Почему Греч и Булгарин не были на празднестве И. А. Крылова // Русская старина. 1905. Т. 122. № 4. С. 201.

также решился не быть на обеде, поехал к И[вану] А[ндреевичу], объяснил ему все дело»¹⁶.

Когда же накануне торжества Булгарину сообщили (вероятно, это сделал Дубельт, по поручению Бенкендорфа): император желает, «чтобы все литераторы участвовали в завтрашнем празднике», они оба забеспокоились, послали к Смирдину за билетами, но тот объявил, что «все билеты розданы». Хотя при этом Греч признавал: «Полевой, которому также велено было туда явиться, достал билет, пошел на празднество и должен был испить чашу огорчений»¹⁷. Про себя же автор записки в подробностях рассказывал, как в тот же вечер, 1 февраля, он от волнения «почувствовал жестокую лихорадку, не спал всю ночь и на другой день встал в совершенном расстройстве», а врач, за которым он послал, велел ему «поберечься и в этот день не выходить». И хотя Греч назвал сразу две причины не явиться на праздник, он все еще продолжал оправдываться, приводя новые доводы, в частности, говорил о себе в третьем лице: «Он не мог вообразить, чтоб отказ от приглашения частных людей на обед мог причестись ему в вину. Такой вине подвергается он несколько раз в год»¹⁸.

Очевидно, составляя записку, Греч был напуган и не понимал, чем закончится для него эта история. О его страхе и смятении говорит и то, что он стремился назвать как можно больше оправдательных причин для своего отсутствия на крыловском юбилее. Тем не менее, из его слов выходит: посчитав себя одним из организаторов праздника, он не предпринимал ничего для его подготовки, однако возмутился, когда за четыре дня до торжества узнал, что его готовят другие.

Судя по всему, для отказа у Греча и его товарищей (в числе которых оказались Сенковский и Н. А. Полевой) были другие причины, более веские, чем уязвленное самолюбие одного из них, но о том невозможно было упоминать.

Позднее в своих «Записках» Греч изложил новую версию этой истории (она была записана, вероятно, в 1860-е годы). Автор повторил здесь, что предложение отпраздновать юбилей Крылова прозвучало на вечере у Кукольника, но на сей раз заявил, что инициатором его был именно он, Греч. Он также перечислил членов

¹⁶ Почему Греч и Булгарин не были на празднестве И. А. Крылова ... С. 202.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

сформированного для организации праздника комитета, однако теперь назвал среди них Кукольника вместо Жуковского (умершего в 1852 г.). И вслед за этим рассказывал: «Я в ту же минуту написал программу юбилея», которую передали через Владиславлева Бенкендорфу, для «испрошения высочайшего соизволения»¹⁹.

Император, разрешив праздник, направил это дело для исполнения в III отделение, а оттуда его передали Уварову. Министр народного просвещения, по словам Греча, «в досаде на то, что не он был избран председателем комитета», исключил из состава комитета графа Виельгорского, Брюллова, Кукольника и Греча и «назначил на место их Жуковского, князя Одоевского и еще кого-то из своих клевретов»²⁰.

Далее автор воспоминаний повторил историю с подписными листами, только увеличил число присланных ему билетов до 50 и не пытался никак объяснить, почему помимо него на праздник отказались идти Булгарин и Полевой. Когда накануне праздника, на сей раз не император, а Бенкендорф пожелал, чтобы они явились на вечер, Греч, по его рассказу, снова отказался, заявив, что пошлет вместо себя сына. Как и в предыдущей версии, они с Булгариным отправили Смирдину деньги за билеты, но далее автор пишет: «...новые учредители, узнав о моем отказе, запретили давать нам билеты»²¹. Последний факт, скорее всего, выдуман: прежде, когда его можно было опровергнуть, Греч не решился на такое заявление. К тому же он и на этот раз признал, что Полевой достал себе билет! Здесь уже нет ни слова о волнении и болезни Греча, он лишь мельком, без каких-либо объяснений, обронил, что «на другой день облекся в госпитальный халат»²².

Автор «Записок», как видим, не только не скрывал, но акцентировал антагонизм, разделявший его с организаторами вечера, который прошел, по его словам, «благополучно, блистательно, но холодно»²³. Главным же виновником своих неприятностей он видел именно Уварова.

Обратим внимание: повторяя историю с письмом и подписными листами, полученными от Жуковского, автор воспоминаний уже не отмечал, что о новом составе комитета он узнал из этих листов.

¹⁹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 408.

²⁰ Там же. С. 408–409.

²¹ Там же. С. 409.

²² Там же.

²³ Там же.

Вероятно, эта подробность была выдумана им в 1838 г. и забылась спустя более двух десятков лет. Также отметим: теперь, после указания на вражду к нему Уварова, Греч стремился зафиксировать внимание читателя не на том моменте, когда он решил игнорировать праздник, а на своем мотиве: «Устранили учредителей юбилея от участия в нем и еще дразнят»²⁴.

Однако получается, что возмущились действиями министра не «устраненные» Виельгорский, Брюллов и Кукольник, а совсем другие люди — Булгарин, Сенковский и поначалу поддержавший их Полевой.

Что же сделал Греч для устройства праздника? Как помним, он рассказывал, что «в ту же минуту написал программу юбилея». Между тем, в подписанном 23 января всеподданнейшем докладе Бенкендорфа, где дата дня рождения Крылова названа с ошибкой в один день²⁵, ничего не говорится о программе. Это и понятно: ведь подобных литературных торжеств еще не проводилось, и требовалось время, чтобы осмыслить, в каких именно формах уместнее всего чествовать писателя. Поэтому Бенкендорф, пытаясь объяснить задуманное, ссылаясь на единственный аналог — пример «врачей, торжествовавших юбилей маститых своих собратьев»²⁶. Он имел в виду состоявшиеся в ноябре 1836 г. празднования 50-летия врачебной деятельности академика, доктора П. А. Загорского и в июле 1837 г. такое же торжество в честь лейб-медика И. Ф. Рюля.

Вероятно, Греч, зная подробности чествования этих врачей (о втором из них в свое время писала «Северная пчела»), не задумываясь о возможности иных сценарных ходов, предложил таким же образом отметить и Крылова. Вслед за ним и Бенкендорф в докладе, датированном 23 января, заявил императору о намерении «по примеру врачей поднести знаменитому баснописцу... золотую медаль с приличными аллегорическими изображениями литературных его подвигов, надписями и портретом его; серебряную

²⁴ Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 409.

²⁵ Неубедительно предположение Е. Э. Ляминой и Н. В. Самовер о том, что чествование Крылова первоначально назначили на день позже, не желая помешать празднованию Сретенья Господня, приходящемуся на 2 февраля (по юлианскому календарю) (*Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 года ...* С. 33). Ведь новая дата появилась в документах именно у лютеранина Бенкендорфа. Уваров же в своей всеподданнейшей записке от 28 января отнесся к сообщенной ему начальником III отделения дате праздника 3 февраля как к очевидной ошибке, которую следует исправить (Дело о чествовании И. А. Крылова ... Л. 7 об.).

²⁶ Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 года ... С. 32.

вазу с означением числа и случая»²⁷. Никаких других планов устройства юбилея в докладе не излагалось.

Доверившись Гречу, начальник III отделения предложил императору меры, невыполнимые в оставшиеся до праздника 9 дней. Золотые, серебряные и бронзовые медали (всего свыше ста экземпляров) были действительно изготовлены, но только спустя полгода. Одну из четырех первых золотых медалей, отчеканенных на Императорском Монетном дворе, доставили Крылову 29 июня, еще 10 бронзовых медалей передали ему 30 августа²⁸. Изготовление медалей продолжалось и далее, по меньшей мере, до ноября. Все они делались, по распоряжению Николая I, за казенный счет. Если бы средства на них пришлось собирать по подписке (как в случае с чествуемыми врачами), к их чеканке приступили бы еще позднее. Идея же изготовления драгоценной вазы была оставлена еще в январе. Итак, никакой продуманной программы торжеств к 23 января не было ни у Греча, ни у его покровителей из III отделения.

Получив одобрение императора (вероятно, это произошло в понедельник 24 января) Бенкендорф на следующий день подписал адресованное Уварову отношение о намеченном торжестве и повелении государя²⁹. Е. Э. Лямина и Н. В. Самовер, публикуя его текст, добавляют: «По форме вполне корректное, это уведомление на деле должно было больно задеть адресата. Бенкендорф дает понять, что именно он обладает прерогативой обсуждать с государем важные вопросы, касающиеся литераторов и литературы; самому же Уварову достается роль исполнителя высочайшего распоряжения, которое доводится до него через того же Бенкендорфа. При этом само выражение “дошло до сведения государя императора” содер-

²⁷ Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 года ... С. 32–33.

²⁸ Материалы для биографии Крылова: приложения к «Библиографическим и историческим примечаниям» В. Ф. Кеневича // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1869. Т. VI. С. 314.

²⁹ «Дошло до сведения государя императора, что общество здешних литераторов и художников по случаю совершения 3-го будущего февраля семидесятилетия знаменитому нашему баснописцу и пятидесятилетия литературных его трудов намеревается праздновать сей день и за особенным обеденным столом, к которому будут приглашены знатнейшие государственные сановники, поднести ему золотую медаль и серебряную вазу. Его императорское величество, совершенно одобряя таковое изъявление уважения и благодарности сему знаменитому писателю и желая равномерно оказать ему знак всемилоостивейшего своего внимания, повелел мне сообщить вашему превосходительству, дабы вы представили его величеству о награждении г. Крылова к означенному дню орденом» (Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 года ... С. 34–35. Опубликовано по отпуску. Подлинник: Дело о чествовании И. А. Крылова... Л. 4–4 об.).

жит явственный намек на то, что министр народного просвещения не исполняет должным образом свои обязанности, вследствие чего о патриотической инициативе, возникшей в подведомственной ему сфере, вынужден докладывать глава III Отделения. Все эти колкости должны рассматриваться в контексте постоянного острого соперничества между Бенкендорфом и Уваровым»³⁰.

Подчеркнем: говоря о постоянном остром соперничестве этих государственных деятелей, надо понимать, что речь идет не о банальном столкновении амбиций, а противоборстве двух ведомств и стоящих за ними придворных партий. Скрытое противостояние III отделения и Министерства народного просвещения обострилось как раз в 1838 г. Это видно по критическим выпадам в адрес министра народного просвещения, которые впервые появились в представленном III отделением императору обозрении за 1838 г.³¹, а затем еще более резкие обвинения последовали в «нравственно-политических отчетах» того же ведомства за 1839 и в 1843 гг.³²

Эти годы — время только начавшегося в России процесса нацистроительства, развитие которого происходило на фоне борьбы нового сознания эпохи Романтизма с прежним космополитическим мышлением эпохи Просвещения. В той ситуации Уваров, как известно, делал ставку на развитие народности, т. е. национального сознания, что требовало серьезных изменений в системе образования и научной сфере, в литературе и журналистике. Бенкендорф же являлся активным проводником космополитического мировоззрения и своими действиями поддерживал столь же космополитичную, антинациональную по своей сути, придворную «немецкую партию». К примеру, он отстаивал интересы остзейских баронов, в ту пору активно сопротивлявшихся введению русского языка в учебных учреждениях Прибалтийского края³³. Точно так же и во многих других делах начальник III отделения и «немецкая

³⁰ Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 года ... С. 35.

³¹ Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869: Сб. документов / сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. М., 2006. С. 189–191.

³² Там же. С. 210–211, 333–334.

³³ Шевченко М. М. Записка 1841 года об Остзейском крае из архива графа С. С. Уварова // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О. Р. Айрапетова / сост.: В. Б. Каширин. М., 2012. С. 129.

партия» оказывались противниками мер, направленных на развитие в обществе национального сознания³⁴.

В этой скрытой борьбе Уваров и Бенкендорф активно использовали подконтрольные им периодические издания, с редакторами (а иногда и журналистами) которых у них были налажены патрон-клиентские отношения. К числу клиентов III отделения относились оба издателя «Северной пчелы», а также редактор «Библиотеки для чтения» Сенковский и Полевой. Последний в то время являлся сотрудником изданий Булгарина и Греча, а клиентом ведомства Бенкендорфа стал еще в 1829 г., будучи издателем «Московского телеграфа»³⁵. Они без подсказки сверху иронизировали над рассуждениями о народности и национальном искусстве, боролись с их апологетами, нападали — прежде на Н. М. Карамзина, а теперь на Глинку с его первой национальной оперой, осмеивали труды Ю. И. Венелина и других исследователей славянства и самих славян³⁶.

И прежде, и в столкновении вокруг крыловского юбилея противниками «торгового триумvirата» и Полевого являлись «литературные аристократы» или, говоря шире, писатели пушкинского круга. И хотя их нельзя считать клиентами Уварова (за исключением, пожалуй, князя В. Ф. Одоевского³⁷), в данной ситуации министр, несомненно, видел в них своих союзников. И он, и «литературные аристократы» были заинтересованы в превращении

³⁴ Впервые на роль «немецкой партии» в литературе и журналистике указал О. А. Проскурин (*Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 317–329*). Подробнее об этом явлении см.: *Бадалян Д. А. Ю. Ф. Самарин, славянофилы и борьба с «немецкой партией» // Тетради по консерватизму. 2019. № 2. С. 41–42; Бадалян Д. А. «Немецкие партии» в русской науке XIX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 175–192.*

³⁵ Подробнее о соперничестве в периодической печати Уварова и III отделения, см.: *Бадалян Д. А. С. С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 203–218. О противостоянии в прессе «немецкой партии» и руководителей иных ведомств в 1830–1840-е годы см.: Бадалян Д. А. Борьба элит и журналистика в России эпохи национализма // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 280–288.*

³⁶ О. А. Проскурин писал: «На Россию немецкая партия смотрела примерно так же, как европейские немецкие дворы смотрели на подчиненное им славянское население, — как на опасную и враждебную “варварскую” стихию, движение которой надо постоянно сдерживать самыми жестокими мерами» (*Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 318*).

³⁷ В июле 1844 г., когда Одоевский готовил выпуск первых трех частей своего собрания сочинений и сознавал, что они станут мишенью для нападок «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения», он в письме к Уварову просил «принять под особое покровительство» его сочинения (*Письмо князя В. Ф. Одоевского к С. С. Уварову // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. Приложения. С. 54*). Вероятно, это был не первый случай налаживания патрон-клиентских отношений между князем и министром.

чествования Крылова в национальный праздник, знаменующий достижения русской культуры.

Впрочем, изначально и до самого дня юбилея он мыслился как событие, призванное объединить литераторов, деятелей искусства всех «партий» и направлений. Ведь впервые идея отметить 70-летие Крылова была высказана задолго до 19 января и принадлежала отнюдь не Гречу. Произошло это 7 ноября 1837 г. на обеде в доме беллетриста и переводчика В. И. Карлгофа, где завсегдатаями являлись Е. Ф. Розен, К. П. Брюллов и Н. В. Кукольник, а в тот день были также Полевой, барон А. Л. фон Зеебах (саксонский дипломат и литератор), сам Крылов и другие гости. Вот как позднее вспоминала об этом жена Карлгофа Елизавета Алексеевна (во втором браке Драшусова): «...муж мой взял Крылова за руку и сказал, что имеет до него просьбу. Тот отвечал, что непременно исполнит ее, если это только в его воле: “Так вы будете у нас обедать 2 февраля?” Крылов немного задумался, наконец, смекнул в чем дело, поблагодарил моего мужа и обещал быть у нас 2 февраля. Мы тут же пригласили на этот день всех присутствовавших»³⁸. Речь шла именно о частном торжестве, на котором хозяева литературного салона намеревались собрать широкий круг писателей и любителей словесности. Не случайно же его хозяйка, хотя и по другому поводу, отмечала: «Так как муж мой сам не принадлежал ни к какой партии, то и мог соединять людей разных цветов»³⁹.

Если бы задуманное Карлгофом состоялось, его домашний праздник мог бы стать продолжением двух известных литературных празднеств, на которых собирались все петербургские писатели и поэты — обеда у А. А. Бестужева, издателя «Полярной звезды», 20 января 1824 г. (на нем, по словам хозяина, «многие враги сидели мирно об руку, и литературная ненависть не мешалась в личную»⁴⁰) и новоселья книжной лавки А. Ф. Смирдина 19 февраля 1832 г. (о котором Греч вскоре вспоминал: «...веселость, откровенность, остроумие и какое-то безусловное братство одушевляли сие торжество»⁴¹). Однако «межпартийные» противоречия среди столичных писателей к 1838 г. заметно обострились. Так, на вечере в честь Д. В. Давыдова,

³⁸ [Драшусова Е. А.] Жизнь прожить — не поле перейти. Записки неизвестной // Русский вестник. 1881. № 10. С. 723.

³⁹ Там же. С. 714.

⁴⁰ Бестужев А. А. Сочинения: В 2 т. / Вступ. статья, подготовка текста Н. Н. Маслина; примеч. Л. В. Домановского, Н. Н. Маслина. Т. 2. М., 1958. С. 620.

⁴¹ Греч Н. И. Письмо к В. А. Ушакову // Северная пчела. 1832. 26 февраля. № 45. [С. 3].

устроенным Карлгофом 28 января 1836 г. у себя на квартире, Кукольник, который находился в весьма холодных отношениях с писателями пушкинского круга, явился «когда оставались уже немногие», а Полевой, хотя он был зван и находился в добрых отношениях с хозяевами дома, прийти отказался. Как объясняла жена Карлгофа, он был «в явном разладе со всеми этими господами»⁴².

Еще более красноречивый пример представляет обед по поводу открытия типографии, устроенной совместно Воейковым, купцом В. Г. Жуковым и В. А. Владиславлевым, который состоялся 6 ноября 1837 г. Обед этот собрал почти всех литераторов (а вместе с ними сослуживцев Владиславлева по III отделению), однако в числе гостей не оказалось Булгарина, Греча и Сенковского⁴³. При этом, по словам очевидца И. П. Сахарова, переступив порог, гости спешили разойтись по своим партиям или, как тогда выражались, по «приходам». Так, «приходом» Крылова автор определил «литературную аристократию», которая поначалу собралась в отдельной комнате. В какой-то момент, пишет Сахаров, гости «затолпились, как будто приходы шли какими-то цехами, озираясь и дичась на недружелюбных»⁴⁴. Разделение на две обширные партии неожиданно произошло и уже во время обеда. Сахаров, возмущившись тостом за Гутенберга, который поднял А. В. Никитенко, стал кричать: «...немец радуется русскому? <...> В том нет русской крови, кто не захочет почтить память Ивана Федорова» и провозгласил тост за русского первопечатника. Его горячо поддержал Кукольник. И в тот момент, рассказывал позднее Сахаров, «гости злобно и радостно смотрели на нас»⁴⁵.

Впрочем, к 1838 г. уже имелся опыт и иного типа праздника: чествование Глинки, проходившее 13 декабря 1836 г. в доме у А. В. Всеволожского. Оно не отличалось многочисленностью гостей, но имело чрезвычайно важный повод — рождение русской оперы. И, как отметили Е. Э. Лямина и Н. В. Самовер, здесь (а также при чествовании 28 января 1836 г. в Москве Брюллова) звучали написанные по этому поводу куплеты. Для праздника Глинки

⁴² [Драшусова Е. А.] Жизнь прожить не поле перейти. Записки неизвестной // Русский вестник. 1881. № 9. С. 152.

⁴³ По версии Сахарова, на том настояла «литературная аристократия» (Записки И. П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 946). И. И. Панаев же видел причину в том, что эти трое являлись «заклятыми врагами» Воейкова (*Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 108).

⁴⁴ Записки И. П. Сахарова ... Стб. 942.

⁴⁵ Там же. Стб. 943–944.

их готовили Одоевский, Мих. Ю. Виельгорский, П. А. Вяземский, Жуковский и Пушкин⁴⁶.

В итоге юбилей Крылова соединил в себе основные черты двух разных «моделей» праздников. Он стал и национальным торжеством, и причиной столкновения противоборствующих литературных партий.

Вероятно, «утечка информации» о договоренности, возникшей 7 ноября между Крыловым и Карлогофом, произошла благодаря свидетелю их разговора Кукольнику. Булгарин же позднее описывал ситуацию так, что Кукольник в начале 1838 г. якобы впервые услышал от самого Крылова о приближающемся 50-летию его литературной деятельности. И тогда, по словам Булгарина, «в пиитической голове Н. В. Кукольника вспыхнула счастливая мысль юбилея ветерана русской словесности. Н. В. Кукольник немедленно сообщил свою идею Н. И. Гречу», который «составил записку от имени литераторов и представил графу Бенкендорфу»⁴⁷. Скорее всего, замысел перехватить идею праздника и расширить его до масштабов публичного чествования возник при участии Греча и Булгарина⁴⁸, и произошло это на традиционном по средам вечере в доме Кукольника 19 января 1838 г.

Для публичного праздника необходимо было «высочайшее разрешение», а для его получения — поддержка влиятельного патрона, поэтому и обратились к Бенкендорфу. Докладывая о задуманном Николаю I, он назвал состав комитета для подготовки праздника: А. Н. Оленин, С. С. Уваров, гр. М. Ю. Виельгорский, В. А. Жуковский, П. А. Плетнев, П. А. Вяземский, гр. Ф. П. Толстой, К. П. Брюллов, М. И. Глинка, Н. И. Греч и Д. И. Языков⁴⁹.

Представленный начальником III отделения комитет отличался по составу от того, который называет Греч. «Комитет Бенкендорфа» включал в себя на пять человек более. И, подчеркнем, вопреки заявлению Греча, Уваров был указан в составе комитета.

Комитет, о котором Греч говорит в своих «Записках», если и был составлен на вечере у Кукольника хотя бы на бумаге, то в него включили троих отсутствовавших: Оленина, Виельгорского и

⁴⁶ Лямина Е. Э., *Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 года ...* С. 10, 12.

⁴⁷ Ф. Б. [Булгарин Ф. Б.] Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове... // Северная пчела. 1845. 12 января. № 9. С. 35.

⁴⁸ Три этих имени конкурентов Карлгофа называет в мемуарах его жена: [Драшусова Е. А.] Жизнь прожить — не поле перейти. Записки неизвестной // Русский вестник. 1881. № 10. С. 727.

⁴⁹ Лямина Е. Э., *Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 года ...* С. 33.

Карлгофа (в варианте 1838 г. отсутствующих еще более). Причем, как минимум, про одного из них, Карлгофа, можно с уверенностью сказать, что об избрании его в комитет ему самому так и не сообщили. Это видно из воспоминаний его жены: «В январе мы начали уже помышлять об обеде, который хотели дать у себя в день рождения Ивана Андреевича <...> Мы часто говорили с мужем об этом обеде, начали даже делать список тех, кого хотели пригласить, как в одно прекрасное утро приехал к нам наш искренний приятель Василий Дмитриевич Камовский [Комовский], правитель канцелярии министра народного просвещения, по его поручению»⁵⁰. Оказалось, Уваров, узнав от своего правителя канцелярии о задуманном Карлгофом праздничном обеде, попросил его приехать к себе. И при личной встрече министр договорился с ним, что вместо домашнего праздника Крылову устроят пышный публичный обед, а Карлгоф станет одним из его организаторов.

Вероятно, еще до этого разговора выходявший в отставку с военной службы полковник Карлгоф через Комовского или иным путем ходатайствовал о поступлении на службу в Министерство народного просвещения (он был уволен 22 января, 30 января получил о том свидетельство, а 9 февраля подал прошение на имя Уварова⁵¹).

Когда состоялась встреча министра и Карлгофа? Вероятнее всего, 28 января. Ведь его жена спустя пять лет вспоминала, что подготовку к празднику провели за оставшиеся четыре дня⁵².

Однако нельзя полностью исключить, что встреча их могла произойти немного ранее. Ведь еще 24 января канцелярия Департамента народного просвещения направила в 1-е отделение Департамента сообщение о предполагаемом учреждении крыловской стипендии⁵³. Именно оно открывает хранящееся в РГИА «Дело о чествовании И. А. Крылова в связи с 50-тилетием его литературной деятельности...». То есть не позднее этого дня в Министерстве народного просвещения началось обсуждение

⁵⁰ Отметим, что три указанных имени конкурентов Карлгофа называет в мемуарах его жена ([Драшусова Е. А.] Жизнь прожить — не поле перейти. Записки неизвестной // Русский вестник. 1881. № 10. С. 727).

⁵¹ Дело по прошению действительного статского советника Карлгофа об определении его на службу по Министерству народного просвещения. Март 1838 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 3. Д. 59. Л. 1, 3 об.

⁵² [Карлгоф Е. А.] Крылов // Звездочка. 1844. Ч. 9. № 1. С. 52.

⁵³ Дело о чествовании И. А. Крылова... Л. 1.

приближающегося чествования. И только 26 января было получено отношение Бенкендорфа к Уварову. Ясно, что идею организации праздника Крылова министр стал обдумывать еще до получения этого отношения. Остается вопросом, что подтолкнуло его к этому и какие изначальные мотивы им руководили?

Жена Карлгофа рассказывала в своих мемуарах, что Уваров «стороной узнал» о планах Кукольника, Греча и Булгарина и поинтересовался о них у Комовского. Тот в ответ сообщил про литературный обед, запланированный Карлгофом, в результате чего и последовала его встреча с министром⁵⁴.

Очевидно, в конце января произошла короткая подковерная схватка за то, кем и как будет организован праздник. Министру было важно подчеркнуть свою самостоятельность в этом деле, т. е. то, что он может устроить чествование Крылова без присмотра за ним начальника III отделения. И дело было не только в уязвленных амбициях Уварова. Тот смысл, который он хотел придать и в конечном итоге придал этому празднику, никоим образом не мог вызвать расположение Бенкендорфа. Значит, нужно было избавиться от его навязчивой опеки. И в обращении к императору 28 января Уваров дипломатично указал на то, что его предшественники (а точнее, конкуренты) в деле подготовки праздника ничего еще не сделали: «По собранным мною сведениям оказывается, что мысль о праздновании Крылова родилась частно между некоторыми литераторами, но что к сему доселе никаких мер не было принято; что сколько я мог знать, ни *вазы серебряной*, ниже *медали золотой* никем к этому дню не заготовлено, и что наконец 2-го февраля (не 3-го) минет Крылову 70 лет, а первому его напечатанному произведению 52 года»⁵⁵.

О начатом Уваровым (пусть и совсем недавно) процессе подготовки празднования говорит то, что место его проведения — «зал Благородного собрания» — было впервые названо именно им 27 января в его отношении к Бенкендорфу⁵⁶, а днем позже — во всеподданнейшей докладной записке⁵⁷. К ней был приложен проект грамоты, предназначенной для вручения юбиляру. От имени импера-

⁵⁴ [Драшусова Е. А.] Жизнь прожить — не поле перейти. Записки неизвестной // Русский вестник. 1881. № 10. С. 727.

⁵⁵ Дело о чествовании И. А. Крылова... Л. 7–7 об. Курсивом выделены подчеркнутые в источнике слова.

⁵⁶ Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 года ... С. 37.

⁵⁷ Дело о чествовании И. А. Крылова... Л. 7 об.

тора в нем утверждалось: «Отличные успехи, коими сопровождались ваши долговременные труды на поприще Отечественной Словесности и благородное истинно русское чувство, которое всегда выражалось в произведениях ваших, сделавшихся народными в России, обращали на себя Наше постоянное внимание»⁵⁸. В этих словах — «отечественная словесность», «истинно русское чувство», «народные произведения» — по сути, были выражены ориентиры концепции будущего праздника. И 29 января Николай I, ознакомившись с запиской Уварова и его проектом грамоты, наложил резолюцию: «Согласен»⁵⁹.

Этап конкуренции за устройство праздника Крылова Уваров выиграл. Чтобы довести этот праздник до победного финала, нужны были надежные исполнители. Ими стали пять человек, которых он назвал в записке, поданной императору: «Распорядителями назначены под председательством действительного тайного советника *Оленина*, князь *Вяземский*, князь *Одоевский*, действительные статские советники *Плетнев* и *Карлгоф*»⁶⁰.

Вскоре к этим пятерым присоединился Жуковский. Е. А. Карлгоф в 1843 г., когда она писала очерк о Крылове для журнала «Звездочка», назвала «учредителями» юбилея именно этих шестерых⁶¹, а в мемуарах 1881 года — пятерых, забыв упомянуть Вяземского⁶². Возможно, это произошло потому, что время перед праздником он проводил не в заседаниях комитета, а вместе с Виельгорским сочинял куплеты, исполнение которых стало кульминацией торжества.

Таким образом, Уваров исключил из комитета не только самого себя (что опровергает слова Греча о «досаде» министра, якобы не попавшего в его состав), но и еще шестерых назначенных Бенкендорфом его участников. И дело не только в том, что он избавился от «бесполезных, сугубо декоративных фигур», как считают Е. Э. Лямина и Н. В. Самовер⁶³. Брюллов и Виельгорский, исключенные из их членов комитета, тем не менее, участвовали в подготовке праздника: первый оформил меню обеда, второй сочинил музыку для куплетов. Уваров составил комитет

⁵⁸ Дело о чествовании И. А. Крылова... Л. 9.

⁵⁹ Там же. Л. 7.

⁶⁰ Там же. Л. 7 об.

⁶¹ [Карлгоф Е. А.] Крылов // Звездочка. 1844. Ч. 9. № 1. С. 52.

⁶² [Драшусова Е. А.] Жизнь прожить — не поле перейти. Записки неизвестной // Русский вестник. 1881. № 10. С. 727.

⁶³ Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 года ... С. 36.

исключительно из своих подчиненных и союзников. Возглавил его Оленин, директор Императорской Публичной библиотеки, где служил Крылов, и одновременно его неформальный покровитель. Другой подчиненный — Плетнев, благодаря Уварову ставший профессором кафедры русской словесности в Санкт-Петербургском университете и Главном педагогическом институте, он же автор программной речи «О народности в литературе», опубликованной в «Журнале народного просвещения». Третий, только готовившийся поступить на службу в Министерство народного просвещения, — Карлгоф. Одоевский как нельзя лучше для этого случая соединял в себе черты литератора пушкинского круга и чиновника⁶⁴. Впрочем, Жуковский и Вяземский также находились на государственной службе. Трое последних были известны как противники «торгового триумvirата», а пятеро (исключая «беспартийного» Карлгофа) воспринимались как деятели или союзники «русской партии», мифами о которой III отделение стремилось запугать Николая I⁶⁵.

Среди писателей пушкинского круга наибольшим литературным авторитетом и одновременно весом в придворных кругах в то время обладал Жуковский⁶⁶. Именно он выступил в качестве переговорщика между двумя литературными кланами. 28 января Василий Андреевич направил Гречу письмо, в котором, напоминая о готовившемся юбилее, добавил: «Все литераторы, находящиеся в Петербурге, без сомнения, захотят принять участие в этом национальном празднике. Мы с своей стороны собираем подписку; помогите нам с Вашей»⁶⁷. И далее он предложил адресату взять на себя труд приглашения на «литературный пир» знакомых ему писателей.

⁶⁴ В составе комитетов, прежде названных Гречем и Бенкендорфом, Одоевский не упоминался, а Карлгоф был включен в них, вероятно, именно потому, что оба их «соавителя» знали, кто является автором первоначальной идеи праздника. На этих двоих легла и основная работа по подготовке торжества, о чем Е. А. Карлгоф рассказывала таким образом: «... князь Одоевский и мой муж приняли на себя все хлопоты и находились целые дни в разъездах» ([Драшусова Е. А.] Жизнь прожить — не поле перейти. Записки неизвестной // Русский вестник. 1881. № 10. С. 727).

⁶⁵ О. А. Проскурин с иронией писал, что «русская партия», с которой, как правило, отождествлялись «литературные аристократы», была создана «совместными творческими усилиями Булгарина и руководства III отделения» (Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 332; см. также: С. 320, 323–329).

⁶⁶ Противники Жуковского воспринимали его как главу «партии», и в таком качестве он был представлен в одном из отчетов III отделения императору (Бадалян Д. А. Борьба элит и журналистика в России эпохи нацистроительства. С. 408–411).

⁶⁷ Жуковский В. А. Письма к Н. И. Гречу // РО ИРЛИ. Ф. 590. № 78. Л. 1.

Из этих слов видно, что автор письма обращался к Гречу как к представителю иной «стороны», иного литературного «прихода», но рассчитывал, что грядущий «национальный праздник» способен соединить деятелей разных направлений.

Забегая вперед, признаем: чествование Крылова планировалось как явление национальной культуры и, действительно, таковым стало. Это видно уже по риторике, использованной всеми основными участниками. Так, выступивший первым Оленин начал свою предельно краткую речь от имени «русских литераторов Северной столицы, художников и любителей отечественной словесности» и обе, составившие ее фразы, завершались выражением «русская словесность». Уваров в своей речи определил творчество Крылова как «всегда народное по своему духу». Жуковский, говоря о произведениях Крылова, указал на их связь с «русским народом» и «славой народной». Менее всего подобных акцентов находится у Одоевского, но и он не избежал хотя бы раз произнесенного выражения «русское слово». В этот вечер Жуковский снова, уже публично, назвал происходящее торжество «национальным праздником», а Уваров – «праздником русской словесности»⁶⁸, и вскоре это словосочетание подхватила подконтрольная министру пресса. Его поставили в заглавие публикаций, посвященных событию 2 февраля 1838 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях», а затем и в «Московских ведомостях»⁶⁹. «Журнал Министерства народного просвещения» назвал юбилей «пиром русской словесности»⁷⁰, а воейковский «Русский инвалид» – «великолепным патриотическим обедом»⁷¹.

Добавим, что те же впечатления переживали и гости праздника. Так, А. Е. Аверкиев, рассказывая об этом обеде, дважды назвал его

⁶⁸ Все выражения приведены по брошюре «Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову в день его рождения и совершившегося пятидесятилетия его литературной деятельности, на обеде 2 февраля 1838 г. в зале Благородного собрания» (СПб., 1838), где каждая произнесенная речь приводится с отдельной пагинацией.

⁶⁹ Праздник русской словесности // Санкт-Петербургские ведомости. 1838. 5 февраля. № 29. С. 123; Праздник русской словесности // Московские ведомости. 1838. 12 февраля. № 13. С. 103.

⁷⁰ Б. Ф. [Федоров Б. М.] Обед, данный Ивану Андреевичу Крылову, в зале Благородного Собрания, 2 февраля 1838 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Ч. 17. № 1. С. 222.

⁷¹ [Юбилей И. А. Крылова] // Русский инвалид или Военные ведомости. 1838. № 31. 4 февраля. С. 122.

«русским праздником» и восклицал: «Русские доказали Европе, что и они умеют ценить истинные таланты»⁷².

Однако вернемся к концу января. Отсылая Гречу письмо и подписные листы, не дожидаясь официального одобрения праздника Николаем I, Жуковский явно спешил, а значит отправил послание не по городской почте, а с посылным (у него, живущего при дворе, такая возможность, несомненно, была). Иными словами, подписанное 28 января письмо Греч получил в тот же день, а краткий ответ на него с отказом составил днем позже⁷³. Значит, его реакция на приглашение — не скоропалительный жест. Прежде чем отвечать, он обсудил и согласовал свои действия, по крайней мере, с Булгариным.

Главной причиной отказа Греча и возвращения подписных листов явилось отнюдь не уязвленное его самолюбие. К тому же отметим: в письме Жуковского ничего не говорилось о комитете учредителей и его составе, и, хотя приложенные к нему подписные листы не сохранились, очевидно, не было никакого смысла указывать в них состав комитета (хотя адресат в 1838 г. утверждал обратное). Главным мотивом было то, что ни он, ни Булгарин, ни их союзники не собирались участвовать в «национальном празднике» как в устраиваемом не по их правилам.

Постоянно встречавшие поддержку и покровительство Бенкендорфа в деле противостояния «литературным аристократам» и публичным рассуждениям о народности, они и в этой ситуации полагали, что действуют в соответствии с интересами «немецкой партии» и III отделения. Поэтому поначалу и не боялись конфликта⁷⁴.

Однако Николай I, судя по всему, высказал твердое желание, чтобы чествование Крылова продемонстрировало единство рус-

⁷² ОР РНБ. Ф. 291. Оп. 1. № 40. Л. 2. См. Приложение 2.

⁷³ Греч Н. И. Письмо В. А. Жуковскому. Копия рукой В. Ф. Одоевского, заверенная В. А. Жуковским. С пометой В. Ф. Одоевского. 29 января 1838 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 1595.

⁷⁴ О мощи поддержки, которой «торговый триумвират» обладал в середине 1830х гг., Одоевский позднее рассказывал: «Намекнуть о монополии “Северной Пчелы” на политические новости и ежедневный выход считалось делом самым предосудительным. В это время “Библиотека для чтения”, “Сын Отечества” и “Северная Пчела”, братски соединенные, держали в блокаде всё, что им не потворствовало, и всякое издание, осмеливавшееся не принадлежать к этой фаланге, хлестали в три... конца. <...> вообще борьба была неравная, ибо тогда считалось делом обыкновенным наводить на противника подозрение в неблагонамеренности, вольнодумстве и прочих т. п. вещах...» (*Бычков И. А. Бумаги князя В. Ф. Одоевского // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887. Приложение 2-е. С. 47*).

ских литераторов. Ведь не случайно Уваров, остававшийся в зале Дворянского собрания до самого конца вечера⁷⁵, сразу после него поспешил сообщить императору о порядке, который соблюдало «многочисленное, разнородное общество»⁷⁶. Сигналы о том посылались и журналистам, которые ретранслировали их широкой аудитории. Так, Воейков вскоре после события назвал произошедшее «единодушным народным пиром»⁷⁷, а Б. М. Федоров сообщал, что мысль о нем «была единодушно принята многими литераторами, художниками и любителями отечественной словесности»⁷⁸, и уже в 1847 г. в том же духе рассуждали М. Е. Лобанов⁷⁹ и П. А. Плетнев⁸⁰. Добавим, что такое стремление отнюдь не удивительно для власти: единство самых разных писателей и поэтов стремился представить в 1824 г. в альманахе «Полярная звезда» министр кн. А. Н. Голицын⁸¹, а спустя столетие, в 1934 г. — И. В. Сталин, создавая Союз советских писателей.

Бенкендорф и сам, следуя воле императора, должен был участвовать в торжестве. А его подопечные журналисты, не будучи посвящены в нюансы придворных отношений, допустили опрометчивый шаг. В итоге демонстрируемое единодушие оказалось фикцией, по крайней мере, в глазах внимательных наблюдателей. Инцидент с Гречем и его союзниками оказался отмечен даже в немецкой газете «Allgemeine Zeitung»⁸².

⁷⁵ Б. Ф. [Федоров Б. М.] Обед, данный Ивану Андреевичу Крылову ... С. 222.

⁷⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 106. Л. 14. См. Приложение 1.

⁷⁷ [Юбилей И. А. Крылова] // Русский инвалид или Военные ведомости. 1838. № 31. 4 февраля. С. 123.

⁷⁸ Б. Ф. [Федоров Б. М.] Обед, данный Ивану Андреевичу Крылову ... С. 213.

⁷⁹ Лобанов заявил, что идея чествования Крылова возникла «по единодушному согласию всех русских литераторов» и «все приняли ее с жарким чувством патриотизма» (Лобанов М. Е. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // И. А. Крылов в воспоминаниях современников / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А. М. Гордина, М. А. Гордина; ред. В. Э. Вацууро. М., 1982. С. 85.

⁸⁰ Плетнев, рассказывая о праздничном обеде, утверждал: «В Санкт-Петербурге не было ни одного таланта, в каком бы он роде искусства ни получил известность, который бы не поспешил присоединиться к торжеству, родственному для всей России» (Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // Там же. С. 225.

⁸¹ Готовцева А. Г., Киянская О. И. Рылеев. М., 2013. С. 191.

⁸² Генрих Кёниг писал в ней о празднике Крылова: «Среди живых букетов русской национальной литературы не виден был только знаменитый увядший трилистник: Греч, Булгарин и Сенковский. Сии господа — следуя, видимо, безошибочному инстинкту — исключили себя из общего праздника» (Literarische Mitteilungen aus Russland. II // Allgemeine Zeitung. Beilage. 1838. 4 Mai. № 236–237. S. 942–943. Цит. по: Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 года ... С. 65).

На следующий день после праздника, 3 февраля, Жуковский, узнал от Вяземского, что некоторые места его речи, переданной для печати в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”», «должны быть вымараны»⁸³, т. е. исключены цензурой. Он тут же послал редактору еженедельника А. А. Краевскому записку: «Если это правда, то прошу совсем не помещать моей речи. Я никак не могу согласиться на такое обрезание». И не успокоившись на этом, попросил показать ему «статью», когда она «возвратится от министра»⁸⁴. Не получив ответа, на следующий день Жуковский напомнил о своем решении через Одоевского⁸⁵. В итоге речь его действительно не была напечатана в газете Краевского. Комментируя этот факт, И. А. Бычков объяснил его цензурными обстоятельствами: «С. С. Уваров не изъявил согласия, так как был недоволен упоминанием в этой речи о Пушкине»⁸⁶.

И вправду, Жуковский в своей речи назвал двух недавно ушедших из жизни поэтов, которых, по его словам, недоставало на празднике всем присутствующим: это были И. И. Дмитриев и «наживший славу народную» А. С. Пушкин⁸⁷. Однако Краевский, отвечая Одоевскому, в тот же день, 4 февраля, сообщил: «Министр не позволил печатать ни одного приветствия. Я перепечатаваю только стихи, помещенные в нынешнем номере “Инвалида”»⁸⁸. Тем не менее, стихи Вяземского и В. Г. Бенедиктова, которые имел в виду Краевский, увидели свет только в следующем номере его газеты, вышедшем через неделю⁸⁹.

Значит, произошедшие по воле Уварова цензурные вмешательства оказались связаны не только и не столько с упоминанием Жуковским имени Пушкина или вовсе не с ним? Скажем больше, в течение февраля речь Жуковского была напечатана в других изданиях (разумеется, с разрешения цензуры)

⁸³ Из неизданных писем В. А. Жуковского // Русская старина. 1901. Т. 107. № 7. С. 105.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Из переписки князя В. Ф. Одоевского // Русская старина. 1904. Т. 118. № 6. С. 572.

⁸⁶ Там же. Вероятно, И. А. Бычков следовал утверждению Греча, заявившему о том в своих мемуарах (*Греч Н. И. Записки о моей жизни*. С. 411). С таким же доверием отнеслась к словам Греча и И. Е. Прохорова (*Прохорова И. Е. Юбилейное чествование писателя и журналистика ...* С. 239).

⁸⁷ *Жуковский В. А.* [Речь на юбилее И. А. Крылова] // Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову в день его рождения... С. 2 (3-я паг. в экземпляре РНБ с шифром 18.19.2.328).

⁸⁸ Из переписки князя В. Ф. Одоевского ... С. 573.

⁸⁹ Стихотворения, сочиненные для пятидесятилетнего юбилея И. А. Крылова // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838. 12 февраля. № 7. С. 125–126.

четыре раза! Впервые — в брошюре, увидевшей свет 2 февраля и полагавшейся каждому гостю праздника⁹⁰, 5 февраля — в «Русском инвалиде»⁹¹, затем — в «Московских ведомостях»⁹² и, наконец, — в «Журнале Министерства народного просвещения»⁹³. Обратим внимание: два последних издания не только выходили под цензурой ведомства, которым руководил Уваров, но и принадлежали именно его министерству.

Исходя из этого, уместнее полагать, что Уваров сводил счеты не с покойным Пушкиным, а с Краевским. Точнее, стремился ограничить в преимуществах издание, тому принадлежащее. Да, «Литературные прибавления» в тот момент оказались единственной подходящей газетой, которой смогли воспользоваться организаторы праздника из пушкинского круга. Однако министр просвещения не забыл, что Краевский, хотя он именно при нем заметно продвинулся по службе, став с декабря 1835 г. членом Археографической комиссии и помощником редактора, а затем редактором «Журнала министерства народного просвещения», в апреле 1837 г. оставил службу в журнале⁹⁴. И главное — оставил потому, что нашел себе более влиятельного покровителя в лице Бенкендорфа, и именно с помощью его подчиненных стал с 1837 г. редактором «Литературных прибавлений» (а затем на протяжении многих лет входил в клиентелу III отделения)⁹⁵. Уже после описываемых событий, 14 декабря 1838 г., он покинул службу в Археографической комиссии (и это при том, что за первый год с небольшим деятельности в ней он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, а спустя еще два года ему было объявлено «высочайшее благоволение»⁹⁶. Таким образом, Краевский окончательно порвал с Уваровым. И его разрыв нельзя объяснить тем, что он стремился сосредоточиться на журналистской деятельности, ведь Краевский в это время продолжал служить в Павловском кадетском корпусе⁹⁷.

⁹⁰ Жуковский В. А. [Речь на юбилее И. А. Крылова] ... С. 1–3.

⁹¹ Приветствие В. А. Жуковского // Русский инвалид или Военные ведомости. 1838. 5 февраля. № 32. С. 126–127.

⁹² Разные известия // Московские ведомости. 1838. 16 февраля. № 14. С. 113–114.

⁹³ Б. Ф. [Федоров Б. М.] Обед, данный Ивану Андреевичу Крылову ... С. 217–218.

⁹⁴ Службу в Департаменте народного просвещения Краевский начал в декабре 1831 г. канцелярским чиновником. См.: Формулярные списки чиновников Павловского кадетского корпуса // РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 368. Л. 11 об.–12, 12 об.–13.

⁹⁵ Подробнее см.: Бадалян Д. А. С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов. С. 209.

⁹⁶ Формулярные списки чиновников Павловского кадетского корпуса... Л. 12 об.–13.

⁹⁷ Там же. Л. 12 об.–13.

В вышедшем 12 февраля номере «Литературных прибавлений» Вяземский и его друзья напечатали «Объяснение» по поводу оправдательного заявления, прежде помещенного в «Северной пчеле» Гречем. В первоначальной его редакции фигурировали оба соиздателя «Пчелы»: «...подписные листы для внесения имен желавших участвовать в сем празднике, равно и билеты для входа в залу собрания были сообщены всем гг. литераторам, находящимся в Петербурге, а в том числе г. Гречу и г. Булгарину, за три дня до праздника»⁹⁸.

Однако появившийся в газете текст «Объяснения» был ощутимо переработан и, главное, из него исчезло упоминание Булгарина: «За несколько дней до праздника и тотчас по составлении подписных листов для внесения имен желавших в нем участвовать учредители сообщили при письме одного из них таковой лист г. Гречу с 30-ю билетами, предоставляя их в его распоряжение. Г. Греч возвратил немедленно список и 30 билетов при письме, в котором изъяснял, что, “не имея случая раздать билеты и находясь в невозможности участвовать в празднестве, он препроводил обратно и лист, и билеты”»⁹⁹.

Вяземский, отсылая свой вариант текста соредактору «Литературных прибавлений» Одоевскому, добавил: «Если Вы, или Краевский, захотите что изменить в моей редакции, то милости просим! Только оставьте мой *ответ*, где речь о Сенковском»¹⁰⁰.

Часть «Объяснения», о которой беспокоился Вяземский, при публикации претерпела самую незначительную правку и выглядела так: «...учредители празднества, для исправления ошибки, вкравшейся в 31 № “Русского инвалида”, вменяют себе в обязанность объявить, что, если г. Сенковский и не был на помянутом обеде, то взял билет на оный, и, следовательно, именем своим в нем участвовал»¹⁰¹.

В том же письме к Одоевскому (его стоит датировать 9–10 февраля) Вяземский сообщал, что к тому моменту «Жуковский уже объяснился по этому с министром и препятствия не будет»,

⁹⁸ Цит. по: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* Крыловский юбилей 1838 года ... С. 62–63. Подлинник: ОР РНБ. Ф. 391. № 906.

⁹⁹ Объяснение // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838. 12 февраля. № 7. С. 140.

¹⁰⁰ Вяземский П. А. Письмо В. Ф. Одоевскому // ОР РНБ. Ф. 391. № 905. Л. 1 об.

¹⁰¹ Объяснения // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838. 12 февраля. № 7. С. 140.

но «к самому министру должен немедленно явиться Краевский со статьею»¹⁰². Это лишний раз подтверждает, что все изменения в текстах, связанные с юбилеем Крылова, согласовывались с Уваровым, а в той части, что касалась клиентов III отделения — особенно.

Надо пояснить: составлявшие ядро журналистской клиентелы III отделения Булгарин, Греч, Сенковский и Полевой обладали разной степенью близости к руководству этого ведомства и соответственно в различной мере пользовались его защитой. Наиболее уязвим был Полевой. Поэтому Уваров смог добиться в 1834 г. закрытия его «Московского телеграфа», хотя и не с первой попытки. Несколько увереннее было положение Сенковского. Министр народного просвещения не раз давал цензуре указания о строгом отношении к нему и редактируемой им «Библиотеки для чтения». Судя по дневнику цензора Никитенко, имя редактора при этом повторялось чаще, чем название журнала, т. е. главной мишенью был именно Сенковский¹⁰³. Порой вместе с ним Уваров указывал цензору на Греча, но видно, что последний обладал большей степенью защиты, и вступать с ним в серьезные конфликты министр обычно остерегался. Ну и, наконец, Булгарин являлся почти вовсе неуязвимым для министра журналистом.

Хорошо понимая свое положение, Полевой после некоторого промедления заплатил за билет и 2 февраля покорно явился на праздник. Редактор «Библиотеки для чтения», не смея вовсе отказаться, выбрал компромиссную тактику, т. е. приобрел билет, но не пошел. И, вероятно, уже после праздника провел некие переговоры с Вяземским. Иначе зачем было бы тому беспокоиться об оправдании Сенковского? Булгарин же отделался незначительными репутационными потерями, и, вероятно, в результате соглашения, достигнутого Бенкедорфом с Уваровым, его имя не попало в скандальное «Объяснение».

Почему на этот раз вся сила обвинений «Литературных прибавлений» (да еще при закулисном участии в деле Уварова) оказалась сосредоточена на Грече? Он считался наиболее умеренным среди основных противников «литературной аристократии». Потому-

¹⁰² Вяземский П. А. Письмо В. Ф. Одоевскому ... Л. 1–1 об.

¹⁰³ Так, в январе 1834 г. А. В. Никитенко записал в дневнике: «Я получил от министра приказание смотреть как можно строже за духом и направлением "Библиотеки для чтения". Приказание это такого рода, что если исполнить его в точности, то Сенковскому лучше идти куда-нибудь в писари, чем оставаться в литературе. Министр очень резко говорил о его "полонизме", о его "площадных остротах" и проч.» (Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. / подг. текста, вступ. статья и примеч. И. Я. Айзенштока. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 134).

то в 1832 г. А. С. Пушкин недолгое время обсуждал возможность их с Гречем совместного издания газеты¹⁰⁴. И опять-таки к нему от имени организаторов праздника обратился «переговорщик» Жуковский. Однако именно Греч и сорвал, точнее попытался сорвать акцию по распространению билетов в его литературном «приходе», т. е. проявил особую враждебность.

Одоевский, вероятно, более других чувствовал себя уязвленным многолетней безнаказанностью литераторов торгового триумvirата и, едва ли не впервые получив возможность нанести им ощутимый удар, не желал ее упустить. Из письма Н. В. Гоголя, который пересказывал А. С. Данилевскому сведения, полученные от Н. М. Смирнова, известно, что именно князь отказал Гречу и Булгарину в билетах на торжественный обед, когда те с запозданием стали их просить¹⁰⁵. И спустя два года, когда Греч в своей книге «Чтения о русском языке» мельком упомянул «единственный доселе у нас пятидесятилетний юбилей великого писателя»¹⁰⁶, в рецензии на нее Одоевский подчеркнул, что «первая мысль» о юбилее Крылова «принадлежала Жуковскому, кн. Вяземскому, кн. Одоевскому, гг. Плетневу и Карлгофу». И далее князь с едкостью добавил: Греч «забыл» связанное с праздником «замечательное происшествие», а вслед за тем строго по тексту «Объяснения» 1838 г. передал историю с отказом автора «Чтений» от подписных билетов¹⁰⁷.

* * *

В итоге устроенное благодаря Уварову и литераторам пушкинского круга чествование Крылова явилось первой в нашей стране успешной попыткой организации праздника национальной культуры, своего рода прелюдий Пушкинских торжеств 1880 г., которые участник их И. С. Аксаков назвал «великим актом нашего народного самосознания»¹⁰⁸. И, хотя в отличие от последних, в 1838 г. инициатива и руководящая роль в организации принадлежала представителю власти, заданная им концепция торжеств был поддержа-

¹⁰⁴ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: в 4 т. Т. 3: 1829–1832 / сост. Н. А. Тархова: науч. ред. Я. Л. Левкович. М., 1999. С. 496, 498.

¹⁰⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. 11: Письма 1836–1841 / ред. Б. П. Городецкий. С. 149.

¹⁰⁶ Греч Н. И. Чтения о русском языке. СПб., 1840. Ч. 2. С. 308.

¹⁰⁷ [Одоевский В. Ф.] Чтения о русском языке Николая Греча... // Отечественные записки. 1840. Т. 12. Отд. VI. С. 23.

¹⁰⁸ Письмо И. С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. № 5. С. 91.

на и воспринята значительной частью литераторов и общества как совершенно актуальная. Возникшие из-за празднования юбилея противоречия между «торговым триумvirатом», с одной стороны, и Жуковским, Вяземским, Одоевским и др. — с другой, завершились первым ощутимым ударом, который писатели пушкинского круга в союзе с Уваровым смогли нанести журналистам — клиентам III отделения.

Добавим, что история с обструкцией первого национального литературного торжества получила продолжение спустя 16 лет. 27 декабря 1854 г. Греч попытался торжественно отметить 50-летие своей литературной деятельности. Приложив к тому немало усилий, он не получил серьезной официальной поддержки. На празднике не оказалось никого из государственных деятелей и крупных писателей. Не был на нем даже Булгарин¹⁰⁹. Как отметили Е. Э. Лямина и Н. В. Самовер, «Академия наук, невзирая на его звание члена-корреспондента, проигнорировала юбилей Греча, зато спустя всего два дня на своем торжественном годовом заседании 29 декабря спонтанно, без подготовки устроила чествование филолога А. Х. Востокова в связи с 50-летием его ученой деятельности»¹¹⁰.

Чтобы в полной мере оценить значение последнего факта, надо вспомнить, что президентом Академии наук в то время по-прежнему являлся Уваров, а А. Х. Востоков в понимании «немецкой партии» представлял собой самый яркий пример ренегата — человека, посвятившего свою жизнь изучению русской, славянской культуры и сменившего свою немецкую фамилию на русскую. Поэтому и выбор его фигуры для «альтернативного» праздника получил особый смысл.

Публикация осуществляется в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, однако «тире» между предложениями сохранены как специфические авторские знаки. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

За помощь в работе с источниками автор благодарит О. Л. Фетисенко и Л. Н. Сухорукова.

¹⁰⁹ Подробнее о праздновании этого юбилея см.: *Иванов-Разумник*. Н. И. Греч и его «Записки» // Греч Н. И. Записки о моей жизни / ред. и коммент. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М.; Л., 1930. С. 27–29.

¹¹⁰ *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* Крыловский юбилей 1838 года ... С. 81.

**Отпуск всеподданнейшей докладной записки
министра народного просвещения С. С. Уварова
императору Николаю I**

[Санкт-Петербург]

[2 февраля 1838 г.]

Праздник, данный в честь Крылова, имел полный успех. Когда по прибытию моему я от имени В[ашего] И[мператорского] В[еличества] вручил ему грамоту¹¹¹ и орденские знаки¹¹², то почтенный старец по прочтении оной был тронут до слез, и все присутствующие разделили его восторг. За обедом, в коем участвовали 205 человек, замысловатые куплеты князя Вяземского при сим подносимые, сопровождаемые приличною музыкою графа Виельгорского¹¹³, произвели общее восхищение. Тосты были питы в надлежащем порядке и с приличными приветствиями. Наконец, что более всего заслуживает внимания, это многочисленное, разнородное общество не выступило ни на шаг из границ благовоспитанного порядка, и невзирая на то, что каждый из участвующих был подписчиком наравне с другими, замечательны были уважение к старшим и вместе с порывами необыкновенного энтузиазма, общего конца благоустройства.

О сих обстоятельствах считаю долгом довести всеподд[аннейше] до сведения В[ашего] В[еличества].

№ 37.

2 февраля 1838.

РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 106. Л. 14.

¹¹¹ Вскоре в прессе и в воспоминаниях современников эту грамоту стали называть рескриптом. См., например, Приложение 2.

¹¹² Ордена Святого Станислава 2-й степени.

¹¹³ Михаил Юрьевич Виельгорский (1788–1856) — граф, композитор, с 1838 г. обер-шенк, член Комитета Главной театральной дирекции, почетный опекун Санкт-Петербургского опекунского совета.

Письмо А. Е. Аверкиева¹¹⁴ М. Н. Загоскину

2-го февраля 1838.

Петербург.

Сейчас возвратился с обеда знаменитого, достопамятного, первого обеда в России, какого еще не бывало! Спешу тебе описать, любезный друг Михайло Николаевич, некоторые подробности этого русского праздника.

2-го февраля, в зале Благород[ного] собрания в 5 час[ов] съехались поэты, литераторы, любители литературы, художники, более 200 особ, на обед, данный в честь бессмертного нашего баснописца. — Граф Новосильцов¹¹⁵, г. Канкрин¹¹⁶, Уваров, Киселев¹¹⁷, гр. Бенкендорф, Блудов¹¹⁸, были также в числе посетителей. — Греча и Сенковского не было, их пригласили, но они не поехали.

При встрече И. А. Крылова читал ему приветствие А. Н. Оленин¹¹⁹, потом Уваров вручил ему от Государя Императора пакет с орденем С[вято]го Станислава 2 степени и с рескриптом, в

¹¹⁴ В описи фонда это письмо атрибутировано Петру Ивановичу Аверину. Между тем в подписи под ним ясно различим инициал «А.», а окончание фамилии выполнено скорописью, которая позволяет допустить различные варианты прочтения. Автор письма установлен по письму Загоскина к Крылову от 23 февраля 1838 г. В нем Загоскин, в прошлом сослуживец и товарищ Крылова по Императорской Публичной библиотеке, сообщает, что о праздновании юбилея он узнал из письма его приятеля Аверкиева и благодарит адресата за присланный лавровый листок (*Загоскин М. Н. Сочинения*: в 2 т. М., 1988. Т. 2: Комедии; проза; стихотворения; письма / сост., подгот. текста, коммент. С. Панова, А. Пескова. С. 733–734). Благодаря С. Т. Аксакову известно, что Загоскиным написано «шуточное неоконченное послание в стихах к А. Е. Аверкиеву» (*Аксаков С. Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина // Аксаков С. Т. Собр. соч.*: в 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 430). Александр Егорович Аверкиев (1788 или 1790–1858) — действительный статский советник, до 31 января 1838 г. тверской вице-губернатор. См.: *Русский биографический словарь / изд. под наблюдением А. А. Половцова*. СПб., 1896. Т. 1: Аарон — Александр II. С. 36; *Муранов Н. А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / изд. подг. Д. Н. Шилов*. СПб., 2011. С. 19–20.

¹¹⁵ Новосильцов (Новосильцев) Николай Николаевич (1762 или 1766–1838) — граф, в 1834–1838 гг. председатель Государственного совета и председатель Комитета министров.

¹¹⁶ Канкрин Егор Францевич (Георг Людвиг Даниель) (1774–1845) — граф, в 1823–1844 гг. министр финансов.

¹¹⁷ Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) — в 1837–1856 гг. министр государственных имуществ.

¹¹⁸ Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) — в 1832–1839 гг. министр внутренних дел.

¹¹⁹ Оленин Алексей Николаевич (1763 или 1864–1843) — в 1811–1843 гг. директор Императорской Публичной библиотеки, в 1817–1843 гг. президент Императорской Академии художеств.

самых лестных выражениях, тронувших до слез знаменитого старца. Сожалею, что не могу доставить тебе копии с рескрипта.

За обедом пили: за здоровье Государя Императора, с кликами душевного восторга и любви к Августейшему Покровителю отечественных талантов, и за здоровье виновника русского праздника И. А. Крылова, слезами благодарности ответствовавшего на громкие рукоплескания торжествующих россиян, гордящихся славой неподражаемого своего баснописца; — Уваров и Одоевский сказали ему свои приветствия, Блудов читал стихи, сочиненные Бенедиктовым, а славный наш певец Петров¹²⁰ пел стихи, сочиненные княз[ем] Вяземским. Брюллов пишет портрет Крылова¹²¹.

При сем посылаю тебе все листки печатные, на случай сего торжества приготовленные.

Но лучше всех этих листков посылаю тебя врученный мне самим И[ваном] А[ндреевичем] для тебя, листочек из лаврового венка ему поднесенного. Крылов уделял каждому на память незабвенного для него и для нас дня по листочку и по вызову моему посылает тебе с большим удовольствием, тебе, любимому нашему автору прелестных романов и повестей. Конечно, тебе принадлежит листок из лаврового венка, которым русские в первый раз украшают знаменитость автора. Русские доказали Европе, что и они умеют ценить истинные таланты.

Я чрезвычайно тороплюсь писать, прости несвязности моего письма и прими уверение в душевном почтении с коим остаюсь

преданный тебе
слуга и друг А. Аверкиев.
2-го февраля 1838.
Петербург.
Шаликов¹²² тебе кланяется.

ОР РНБ. Ф. 291. Оп. 1. № 40. Л. 1-2. Автограф.

¹²⁰ Петров Осип Афанасьевич (1807 или 1806–1878) — певец (бас), артист Большого (Каменного) театра.

¹²¹ Живописный портрет был создан в 1838 г. за один сеанс и затем долгое время оставался незаконченным. После кончины баснописца его завершил, дописав левую руку, ученик К. П. Брюллова Ф. А. Горецкий. Ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее.

¹²² Фамилия «Шаликов» читается предположительно. Более сомнительный вариант прочтения: «Шишков». Однако о пребывании московского литератора князя П. И. Шаликова в это время в Петербурге данных у нас нет (хотя причины для его приглашения были: именно в журнале Шаликова «Московский зритель» в 1806 г. появились первые публикации басен Крылова). А. С. Шишков же ненадолго посетил торжество и поздравил юбиляра.